

В. П. БОТКИНУ

24 ноября 1855. Петербург

Спасибо тебе за твое письмо,¹ а за все остальное и спасибо говорить не умею: это выше всяких благодарностей, и очень мало я это заслужил. Но ты, кажется, не умеешь ничему предаваться вполнину. Хотел бы тебе сказать много, да как-то неловко, потому что тут вмешалась существенная сторона,² а не за нее, как она ни важна в моих обстоятельствах, я тебе особенно благодарен. В последнее время лучшие биения моего сердца принадлежат тебе — прими это как хочешь и как знаешь. — Не писал потому сначала, что хворал, а потом приехал — Л. Н. Т., то есть Толстой,³ и отвлек меня. Что это за милый человек, а уж какой умница! И мне приятно сказать, что, являсь прямо с железной дороги к Тургеневу, он объявил, что желает еще видеть меня. И тот день мы провели вместе и уж наговорились! Милый, энергический, благородный юноша — сокол!., а может быть, и — орел. Он показался мне выше своих писаний, а уж и они хороши. Тебе он, верно, понравится. Приехал он только на месяц, но есть надежда удержать его здесь совсем. Некрасив, но приятнейшее лицо, энергическое, и в то же время мягкость и благодущие: глядит, как гладит. Мне он очень полюбился.

Читал он мне 1-ую часть своего нового романа⁴ — в необделанном еще виде. Оригинально, в глубокой степени дельно и исполнено поэзии. Обещал засесть и написать для 1-го № «Современника» «Севастополь в августе».⁵ Он рассказывает чудесные вещи. «Юность» еще не окончена.⁶

А Тургенев славно обделывает «Рудина».⁷ Ты дал ему лучшие страницы повести, натолкнув его на мысль развить студенческие отношения Лепицина и Рудина. Прекрасные, сердечно-теплые страницы и — необходимейшие в повести!.. Теперь Тург(енев) работает за концом, который также должен выйти несравненно лучше. Словом, повесть будет и развита и закончена. Выйдет замечательная вещь. Здесь в первый раз Тург(енев) явится самим собою — еще все-таки не вполне, — это человек, способный дать нам идеалы, насколько они возможны в русской жизни. Ты это сам увидишь, прочитав, каков теперь вышел Лепи-цин. Умница-то он большой, но и ветрогон изрядный и вывихнут сильно... Вырывая из себя фразерство, он прихватил и неподдельные живые цветы поэзии и чуть тоже не вырвал их! Всякий порыв лиризма — его пугает, безоглядная преданность чувству — для него невозможна. Все проклятая боязнь расплыться!⁸ Этим только я объясняю, почему поэзия его природы так мало отражалась донныне в его писаниях. Авось эта похабная боязнь пройдет, по крайней мере начинает проходить.

Спасибо ему. Он словно почувствовал, что после твоего отъезда — мне тяжеленько, и похаживает-таки и посиживает.

Привел он раз ко мне Писемского да сам скоро и ушел. А Пис(емский) просидел долго за полночь, уничтожив все запасы вина, какие были. Уж говорил, говорил! Признался, что тебя не любит, но что читал твою статью о выставке⁹ с наслаждением, ибо чувствовал-де, что человек пишет с любовью и кладет в работу часть своего сердца. Это его слова. А о Карлейле¹⁰ Колбасин¹¹ приносит целые коробка известий, так что я и не припомню. Но если тебя интересуется, так я скажу ему, чтоб он сам тебе написал. Тургенев тоже что-то говорил — эта вещь точно шумит, и это показывает, что русскую публику еще можно расшевелить. Главное — статья много говорит молодому, не успевшему съежиться сердцу, а молодежь — мастерица трубить. С нее все начинается! — Вчера Тургенев прибежал ко мне впопыхах — сочини да сочини адрес Щепкину, а он тем временем побежал скликать литераторов, чтоб подписали, ибо юбилей в субботу и надо немедленно отправить. И отправили. Я думал, он пошлет к тебе, а сегодня узнал, что он послал к Погодину, — говорит, что Погодин по телеграфу просил его об этом. Сочинил-то я что-то довольно сносное и горячее, но дело приняло официальный характер, обрезали — и вышло что-то плосковатое.¹² Напиши нам, что будет на юбилее — и, если успеешь, напиши так, чтоб можно было напечатать в XII №.¹³ Будь здоров. Спасибо, что работаешь, и целую за ответ твой новым журналистам.¹⁴

Некрасов.

Ноябрь,

24-го, ночь

P. S. Не сглазить бы, подписка повалила! И сколько новых, — понять не могу, что из этого выйдет.

Примечания

Подлинник: РГАЛИ, ф. 54, оп. 1, № 73, л. 4—5.

Впервые: ПиР, 1928, № 1, с. 49—50.

¹ Письмо от 18 ноября 1855 г. (ГМ, 1916, № 9, с. 180—181), в котором Боткин сообщал о своем нездоровье и московских новостях, спрашивал о ходе подписки на «Современник» 1856 г.

² Вероятно, речь идет о каких-то гостинцах заботливого Боткина или вещах, необходимых больному Некрасову. «Ты что-то захирел, брат, — писал Боткин Некрасову 18 ноября 1855 г., — теперь некому за тобой смотреть!» (ГМ, 1916, № 9, с. 180).

³ Л. Н. Толстой, подписывавший свои первые произведения, которые печатались в «Современнике», своими инициалами, приехал в Петербург из действующей армии 19 ноября 1855 г. (Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. М., 1958, с. 100).

⁴ Речь идет, вероятно, о главах повести «Казачья жизнь», над которой Толстой работал в это время. Ср. п. 328.

⁵ «Севастополь в августе 1855 года» — первое произведение Толстого, напечатанное (С, 1856, № 1) за его полной подписью.

⁶ См. п. 261.

⁷ Первое чтение романа И. С. Тургенева «Рудин» состоялось в редакции «Современника» в середине октября 1855 г., когда Тургенев вместе с Боткиным приехал в Петербург. Дальнейшая работа над романом продолжалась с учетом советов друзей, в том числе В. П. Боткина. По предложению последнего автор включил в шестую главу романа рассказ Лежнева (первоначально этот герой был известен под именем Леницына) о кружке Покорского и Рудине — участнике кружка. Заново были переписаны вторая половина главы двенадцатой и первая часть эпилога. Роман был завершён в декабре 1855 г. и напечатан в двух первых номерах «Современника» за 1856 г.

В письме к Некрасову от 18 ноября Боткин спрашивал: «Принялся ли Тургенев за отделку „Рудина“? Ведь, опять, пожалуй, доведет до последних дней декабря» (ГМ, 1916, № 9, с. 181).

⁸ Ср. в статье Некрасова «Заметки о журналах за июль 1855 года», где он говорит о недостатке энергии в лучших представителях современной литературы: «Да исчезнет навсегда (характеризующая новейшие дарования) какая-то сдержанность или, вернее, осторожность, робость, может быть, недостаток веры в собственный ум и сердце — печальное качество, парализующее деятельность лучших и благороднейших наших дарований» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 144).

В ответном письме от 22 ноября 1855 г. Боткин по-своему толковал причину, по которой Тургенев «не вошел (...) еще в собственную колею»: «Все оттого, что внешний мир еще сильно увлекает его, что рассеянность не дает ему хорошенько различить существенное от несущественного, оттого, что не привык он еще уединяться и жить самим собою и признать абсолютное право за своими лучшими задушевными стремлениями» (ГМ, 1916, № 9, с. 175).

⁹ Статья Боткина «Выставка в Императорской Академии художеств. Октябрь 1855 года» (С, 1855, № 11, отд. II, с. 73—82).

¹⁰ Перевод Боткина (с его же предисловием) работы Т. Карлейля «О героях и героическом в истории», помещенный в октябрьском номере Современника» 1855 г. Ср. п. 230 и письма к Боткину от сентября того же года.

¹¹ Е. Я. Колбасин.

¹² 23 ноября 1855 г. И. С. Тургенев получил из Москвы телеграфическую депешу М. П. Погодина с сообщением, что обед в честь М. С. Щепкина дается московскими литераторами 26 ноября (см.: Никитина. Летопись Тургенева, с. 310). В тот же день по настоянию И. С. Тургенева Некрасов составил от имени петербургских литераторов адрес, датированный 23 ноября 1855 г., который вскоре был напечатан в «Современнике» под заглавием «Письмо петербургских литераторов к М. С. Щепкину по случаю его пятидесятилетнего юбилея» (1855, № 12; см.: наст. изд., т. XIII, кн. 2, с. 292). Подписи М. П. Погодина под текстом адреса нет.

¹³ В ответном письме от 27 ноября 1855 г. Боткин писал Некрасову: Вчера был праздник Щепкину великолепный. Я думал было написать для тебя легкий очерк его, но без речей он был бы бесцелен. Посылал за ними к Н. Щепкину, даже виделся с ним — и условился с ним в следующем: так как все материалы для описания этого праздника сданы уже В. Коршу для напечатания в газетах московских, то Н. Щепкин вечером, а я утром пошлю их к тебе, следовательно, ты получишь их в среду, т. е. 30 ноября. По моему мнению, ничего не значит выпустить декабрьскую книжку днем позже — но только с описанием праздника. Для петербургских читателей это будет интересно» (ГМ, 1916, № 9, с. 176). Информация о московских торжествах в честь М. С. Щепкина в «Современнике» не печаталась.

¹⁴ Имеются в виду следующие строки из письма Боткина от 18 ноября 1855 г. о предложении издателя нового журнала «Русский вестник»: «Катков желал непременно поместить меня в число сотрудников своего журнала; отказать в этом я не мог. (...) Впрочем, я сказал, что мои труды принадлежат тебе» (ГМ, 1916, № 9, с. 181).